

АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ ӘКІМДІГІ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСЫНЫҢ МӘДЕНИЕТ, АРХИВТЕР ЖӘНЕ ҚҰЖАТТАМА БАСҚАРМАСЫ
ҚР БҒМ ҒК А.Х. МАРҒҰЛАН АТЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТЫ
АҚТӨБЕ ОБЛЫСТЫҚ ТАРИХИ-ӨЛКЕТАНУ МУЗЕЙІ

АКИМАТ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ, АРХИВОВ И ДОКУМЕНТАЦИИ АКТЮБИНСКОЙ ОБЛАСТИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ им. А.Х. МАРГУЛАНА КН МОН РК
АКТЮБИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

«ҚАДЫРБАЕВ ОҚУЛАРЫ - 2020»

**VI ХАЛЫҚАРАЛЫҚ
ҒЫЛЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ
МАТЕРИАЛДАРЫ**

(2020 жылғы 27-28 қараша)

**МАТЕРИАЛЫ
VI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
«КАДЫРБАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2020»**

(27-28 ноября 2020 года)

К ВОПРОСУ О ПАРНЫХ ЗАХОРОНЕНИЯХ ЛОШАДЕЙ И ПОГРЕБЕНИЯХ С КОЛЕСНИЧНОЙ АТТРИБУТИКОЙ (по материалам Синташтинского большого грунтового могильника)

Сотникова С.В.

Синташтинская культура (памятники синташтинского типа) характеризуется неординарными захоронениями с колесничной атрибутикой – следы колесниц или колес со спицами, парные захоронения целых костяков и/или выкладки из черепов и костей ног лошадей, псалии, оружие. Они широко представлены на эпонимном памятнике – Синташтинском большом грунтовом могильнике (далее СМ) на Южном Урале. Но материалы этого памятника весьма неоднозначны и вызывают много вопросов.

Прежде всего, это два разных варианта парных захоронений лошадей. Один вариант – выкладки на дне могилы из черепов и костей ног. Именно с этим вариантом связаны находки костяных и роговых псалиев и следы колес, в том числе со спицами, то есть наиболее полный «колесничный» комплекс. Он выразительно представлен в ненарушенной могиле 30 Синташтинского большого грунтового могильника. Могила ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На дне могилы в юго-западной части находились остатки пароконной запряжки в виде выкладки из черепов и костей ног двух лошадей, расположенных по углам ямы параллельно друг другу. Череп левой лошади – на боку, правой – установлен на нижней челюсти. Рядом с левым черепом обнаружена пара костяных псалиев, а также костяная пластина с отверстием и костяной диск с отверстием, по мнению исследователей, от уздечки или упряжи. Рядом с костями ног коня – колчан со стрелами. Под черепом этого коня оказалась ямка-тайник, где найден бронзовый наконечник копья. Между выкладками коней, располагались кости человеческого скелета в виде пакета, с юго-западной стороны которого был уложен череп, рядом с черепом – бронзовый нож. У юго-западной стенки находились сосуд и давяльные камни, связанные, как считают авторы публикации, с культом сомы. В северо-восточной половине ямы зафиксированы ямки от колес со спицами (Генинг и др., 1997, с. 207–214). Подобные захоронения представлены не только в СМ. В могильнике Кривое Озеро (курган 10 могила 1) в южной половине камеры обнаружены два углубления для колес со спицами и остатки колесницы. В северной – по углам погребальной камеры располагались два черепа лошадей, поставленных на нижние челюсти, рядом с черепами коней – по паре псалиев, оружие/орудия из бронзы, каменный и костяной наконечники стрел. В соседней могиле 2 этого же кургана в южной половине найдены два черепа и кости ног лошадей, а в заполнении грабительского вкопа – щитковый псалий (Виноградов, 2003, с. 82–93).

Второй вариант – размещение в верхнем ярусе могилы, в том числе на перекрытии, одной или нескольких пар целых костяков лошадей. С этим вариантом на СМ ни разу не встречены псалии. В том случае, когда оба варианта встречаются в одной могильной яме, нижнее погребение

потревожено. В других могильниках Синташтинского комплекса парные захоронения целых костяков лошадей не обнаружены. Д.Г. Зданович и Е.В. Куприянова считают парные захоронения целых костяков лошадей особенностью Синташтинского большого грунтового могильника, которая обусловлена смешением нескольких культурных традиций. Они отмечают, что, в целом, для синташтинской традиции такие жертвенники не характерны. Эти авторы, вслед за Е.Е. Кузьминой, А.А. Ткачевым и рядом других исследователей, считают, что в керамике СМ, наряду с синташтинским, присутствует «андроноидный» протофедоровский комплекс и именно с ним связывают парные захоронения целых костяков лошадей (Зданович, Куприянова, 2010, с. 140). С этим сложно согласиться по ряду причин.

Прежде всего, сосуд «протофедоровского» облика присутствует в погребении 30 СМ, где кости лошадей представлены в виде черепов и костей ног, а захоронения целых костяков лошадей отсутствуют.

В расположении парных захоронений целых костяков лошадей прослеживается определенная закономерность. В том случае, когда оба варианта парных захоронений коней размещаются в одной яме, целые костяки всегда занимают верхний ярус могилы, они не нарушены, в отличие от нижних погребений, содержащих выкладки из конских черепов и костей ног, которые в той или иной мере потревожены. Но в некоторых погребениях следы нарушения носят не столь явный характер. Таким образом, каждая могила СМ с захоронениями целых костяков лошадей достаточно уникальна и требует отдельного рассмотрения.

На СМ парные костяки лошадей размещались как над погребениями с колесничной атрибутикой, так и без нее. В данной работе ограничимся рассмотрением могил, в которых нижние погребения содержат колесничную атрибутику, и постараемся выяснить, можно ли однозначно связывать их с захоронениями костяков лошадей верхнего яруса.

Например, могила 5 СМ (Генинг и др., 1997, с. 126-135, рис. 56). Могильная яма имела размеры 370x340x270/250 см. Нижнее погребение сильно потревожено, однако некоторые закономерности в размещении костей и инвентаря можно проследить. В северной половине зафиксированы два углубления для колес. У южной стенки размещались остатки двух черепов и кости ног лошадей. Здесь имеются небольшие разночтения с планом могилы и ее описанием. В юго-восточном углу лежала, по плану могилы (Там же, рис. 56), нижняя челюсть лошади VIII, по описанию – череп (Там же, с. 130). Рядом с ней – бронзовое шило, 3 кремневых наконечника стрел, 2 подвески из клыков кабана, костяной диск с отверстием, просверленный хвостовой позвонком лошади. В 60 см западнее – череп второго коня IX, по описанию – нижняя челюсть (Там же), мордой на 3. Под ним – берцовая кость. Между стенкой камеры и черепом – два костяных псалия (по плану на рис. 56-3 – один – С.С.) и костяной стержень, «вероятно от уздечки». Второй костяной псалий лежал с другой стороны черепа. Еще один псалий находился между черепом коня IX и нижней челюстью коня VIII. Четвертый псалий находился у западной стенки,

несколько в стороне от нижней челюсти лошади. Рядом с этим псалием – копыто лошади, бронзовый нож, кремневый наконечник стрелы, 8 астрагалов барана. Западнее найдено скопление из 16 кремневых наконечников стрел.

На дне могилы находились, по мнению исследователей, кости не менее пяти человек (скелеты А, Б, В, Г, Д, Е), все они сильно потревожены. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые скелеты представлены единичными костями. Так костяк Е – фрагмент черепа, В – череп, кость руки и несколько мелких костей, Д – кости ног, кости одной руки, тазовая кость. Все кости разрознены, находились в разных частях ямы, но их как бы взаимодополняющий состав невольно подводит к предположению, что это могли быть кости от одного скелета. Наибольший интерес представляет скелет Г, кости которого находились в северной половине ямы рядом с углублением для колеса. Остатки скелета лежали компактно. В отличие от других костяков, здесь были почти все кости скелета. По мнению исследователей, кости были захоронены в могиле «уже после того, как отделились от мягких тканей (нижняя челюсть лежала отдельно от черепа, крестец отделен от тазовых костей и т.д.)» (Там же, с. 132). Рядом с этим скоплением располагались бронзовый нож и 39 астрагалов барана. Кроме того, авторы публикации связывают с этим костяком находку колчана с 16 стрелами и считают, что костяк Г имеет отношение к колесничному комплексу (Там же). Вероятно, к костяку Г следует отнести также кремневый наконечник стрелы и 8 астрагалов барана, расположенные на незначительном расстоянии от колчана. Таким образом, обряд нижнего захоронения могилы 5, вероятно, был аналогичен тому, который был зафиксирован в ненарушенном погребении 30 СМ: ориентация ямы по линии С-Ю с небольшим отклонением, в северной половине – два углубления для колес, в южной – черепа и кости ног двух лошадей, псалии. Кости погребенного помещены в могилу уже очищенными от мягких тканей, инвентарь – бронзовые ножи, колчан со стрелами. Так как нижнее погребение сильно потревожено, не исключено, что человеческие кости, обозначенные как костяки В, Д, Е представляли второй «пакет», который был рассеян по всей могильной яме. Следует отметить, что в могиле 30 СМ костяк погребенного в виде пакета был положен не в центре, он занимал северо-западную часть ямы, а рядом, в северо-восточной части, оставлено пустое пространство (Там же, рис. 111). Это позволяет предполагать, что в могиле 30 было оставлено место для второго погребенного.

Уже после того, как нижнее погребение могилы 5 было нарушено, над ним возвели настил, на который положили три пары целых костяков лошадей. Два костяка находились в южной половине ямы, на левом боку, головами к южной стенке. Два других костяка – в северной половине, на левом боку, головами к северной стенке. Еще одна пара лошадей, буквально «втиснутых в оставшееся пространство», занимала северо-восточную часть ямы. Они были положены на правый бок. «При этом их ноги находились у северной стенки могилы, а головы были заломлены назад и оказались рядом друг с другом», один из черепов оказался под позвоночником. Между костями этих коней

найлены два сосуда, еще один – у середины северной стенки (Там же, с. 127–128, 135).

Авторы публикации отмечают, что уже после возведения настила и захоронения в верхнем ярусе трех пар лошадей, юго-восточный угол могилы был раскопан, перекрытие здесь разрушено и в могилу был впущен костяк А – женщины, на груди которой был кожаный нагрудник (Там же, с. 135). Почему-то этот же костяк в разделе «реконструкция погребального ритуала» значится уже как костяк Б (Там же). Вероятно, это опечатка, так как из предыдущего описания и плана могилы следует, что это костяк А. Костяк А представлен только верхней частью скелета. Он лежал на левом боку в несколько неестественно согнутом положении с сильно отброшенными вперед руками, согнутыми в локтях. Череп отсутствовал. На грудной части ребер зафиксирован толстый слой кожи (?), сильно пропитанной окисью меди, но сами украшения отсутствовали. К северо-востоку от костяка А с той же ориентировкой головой на восток находился костяк Б, также в неестественной позе. Он располагался на левом боку, череп повернут лицом к спине, руки прижаты к груди, ноги согнуты. Костяк Б, по мнению исследователей, был сдвинут в сторону, чтобы освободить место для костяка А (Там же). Но расположение обоих костяков в нарушенном юго-восточном углу могилы на незначительном расстоянии друг от друга, их ориентация головой на В, неестественное положение костей обоих скелетов заставляют предполагать, что не один, а оба костяка были впущены в могилу позже.

Таким образом, могильная яма 5 полноценно использовалась дважды (третий раз яма использована лишь частично – для совершения впускного перезахоронения (?) костяков А и Б в юго-восточном углу). Во-первых, для совершения вполне самостоятельного синташтинского погребения с колесничной атрибутикой. Во-вторых, для совершения захоронений трех пар целых костяков лошадей. Между этими событиями произошло нарушение нижнего погребения, так как перекрытие и костяки лошадей оказались ненарушенными.

Могила 19 (Генинг и др., 1997, с. 178–183). Могильная яма имела размеры 340 x 190 x 235/205–210 см. Погребение на дне камеры (глубина 210 см) потревожено. В южной половине находились остатки скелета на правом боку головой на ЮЮВ. У костяка отсутствовали часть позвоночника, кости ног ниже колен и частично кости рук. Фаланги пальцев были найдены в нескольких местах у стенок могилы. В северной половине на дне фиксировались две параллельные ямки с полукруглым дном, содержавшие остатки древесного тлена от обода и спиц колеса. Сопровождающий инвентарь отсутствует, за исключением нескольких костей МРС. Перекрытие находилось на глубине 110–125 см, сохранилось фрагментарно в нескольких местах у дна.

В верхней части могильной камеры с глубины 90 см фиксировались две пары полных костяков лошадей, которые при завале грунта в погребальную камеру оказались смещенными до глубины 180–190 см. Одну пару лошадей (I и II) уложили вдоль ямы в южной половине, ногами друг к другу, головами к Ю. Другую пару (III и IV) – поперек ямы в северной половине, головами на В с

повернутыми друг к другу мордами. Они лежали на брюхе с подогнутыми ногами.

В заполнении могилы на глубине 50-70 см в северной части ямы найдены две кости ног лошади, несколько в стороне – еще одна кость ноги и раздавленный сосуд. В центральной части ямы на глубине 70-170 см обнаружены несколько фрагментов и два почти целых сосуда. На глубине 105 см в южной части могилы обнаружены костяное пряслице и обломок изделия из бронзы. В юго-западной стороне ямы на глубине 170 см среди костей коня найден череп человека без нижней челюсти.

В.Ф. Генинг, Г.Б. Зданович, В.В. Генинг считают, что два сосуда *были поставлены* (выделено мной – С.С.) при лошадях, а кости трех ног лошади и третий сосуд *были помещены* (выделено мной – С.С.) над костяками лошадей в верхней части заполнения ямы (Там же, с. 183). Иначе говоря, исследователи полагают, что сосуды и кости ног лошади установлены преднамеренно. Вместе с тем, обращает на себя внимание случайность расположения сосудов по отношению к костякам лошадей (Там же, рис. 90-3).

Можно предложить следующую реконструкцию событий, связанных с сооружением могилы 19. В могиле было совершено захоронение двух человек в сопровождении инвентаря, частью которого были костяное пряслице и фрагмент изделия из бронзы. В ногах погребенных была установлена пара колес со спицами. В головах находились черепа и кости ног (двух-?) лошадей, остатками которых могли являться кости трех ног лошадей, обнаруженные в верхней части заполнения ямы. В головах погребенных поставили также сосуды (четыре-?), которые найдены рядом с лошадьми и в заполнении. Над могилой на глубине 110-125 см было установлено перекрытие. Через определенное время после совершения захоронения могила была нарушена. В результате из ямы были выброшены костяк одного погребенного, кости ног другого, кости лошадей, сосуды. Сопровождающий инвентарь был извлечен из могилы. Затем могила была засыпана до уровня 90 см и совершено захоронение двух пар полных костяков лошадей, которые также были засыпаны землей из прежнего заполнения этой могильной ямы. Соответственно, часть выброшенных из нижнего погребения вещей, череп человека, сосуды, кости ног лошадей вновь оказались в могиле, но на этот раз в заполнении на разных глубинах.

Таким образом, могильная яма 19 также использовалась дважды. В первый раз для совершения вполне самостоятельного синташтинского погребения с колесничной атрибутикой. Второй – для совершения захоронений двух пар целых костяков лошадей. Между этими событиями произошло нарушение нижнего погребения.

Могила 12 (Генинг и др., 1997, с. 162–168). Могильная яма имела размеры 360x215x332/300 см. На дне в западной половине фиксировались две параллельные ямки с полукруглым дном, содержавшие остатки древесного тлена от обода и спиц колеса (№№ 2 и 3). Кроме того, в восточной половине по углам могилы располагались параллельно друг другу еще две продолговатые ямки с овальным дном (№№ 6 и 7), вдоль южной стенки – еще одна (№ 8), но

следов от тлена колес в них не обнаружено, поэтому их атрибуция как колесничных находится под вопросом. Над ямами № 2 и № 3, в ряде случаев выше дна могилы, находились останки человеческих костей очень плохой сохранности: у северной стенки – череп, южнее – кости рук, далее – кости ног. Рядом с колесными углублениями № 2 и № 3 у восточной стенки находились два сосуда. В районе этих ям также были найдены два роговых псалия и наконечники стрел – шесть кремневых и два костяных. Все вещи лежали в беспорядке. В центре могилы между ямами № 6 и № 7 обнаружены бронзовый и костяной гарпуны и крупный бронзовый рыболовный крючок. Исследователи считают, что кости человека, очищенные от мягких тканей, были положены в кузове колесницы, которую установили в западной половине ямы. В кузов также поместили колчан со стрелами и сосуды (не исключается, что сосуды были поставлены на перекрытие) (Там же, с. 165, 167). Сверху положили четыре костяка лошадей – вдоль северной и южной стенок, головами к центру ямы. Костяки впоследствии были сильно нарушены.

Возможен и другой вариант реконструкции нижнего погребения. В восточной половине положили костяк человека (или кости, очищенные от мягких тканей), подтверждением чему могут являться находки гарпунов и бронзового рыболовного крючка в центре камеры. Человека сопровождали колчан со стрелами, гарпуны, рыболовный крючок, псалии. Возможно, в головах находились и сосуды. В западной половине установили колеса от колесницы. При нарушении могилы костяк человека с частью инвентаря был сдвинут в западную половину ямы, поэтому они оказались выше дна могилы. Сосуды также перемещены к западной стенке. После нарушения нижнего погребения в верхнем ярусе захоронили две пары лошадей. Позже захоронения лошадей также были нарушены.

Были ли в данном погребении с колесничной атрибутикой черепа и кости ног лошадей сказать трудно из-за нарушения верхнего захоронения целых костяков лошадей. Но находки двух псалиев на дне могилы не исключают такого предположения. Кроме того, в реконструкции исследователей этого памятника, как и в предложенной нами, не находят своего объяснения еще три ямки с овальным дном (№№ 6, 7, 8). Вместе с тем, ямы № 6 и № 7 расположены там, где обычно помещались выкладки из черепов и костей ног двух лошадей в погребениях с полной колесничной атрибутикой, например, в могиле 30 СМ. Следовательно, эти ямы могли появиться и в ходе нарушения могилы, когда черепа и кости ног двух лошадей были выброшены из могилы. Причины такого «повышенного» внимания к костям лошадей можно объяснить тем, что в могиле 30 под одним из черепов коня находилась ямка-тайник, где обнаружен наиболее ценный предмет – бронзовый наконечник копья.

Таким образом, несмотря на сравнительно плохую сохранность могилы 12, можно предположить, что она также использовалась дважды. В первый раз для совершения вполне самостоятельного синташтинского погребения с колесничной атрибутикой. Второй – для совершения захоронений двух пар целых костяков лошадей. Между этими событиями произошло нарушение нижнего погребения.

Вопрос о том, кем были нарушены нижние погребения, не ясен. Нельзя полностью исключать вариант, что синташтинцы СМ сами грабили свои могилы (ритуальное ограбление-?), а затем над ними размещали несколько пар лошадей. Но тогда этот ритуал должен был присутствовать и на других могильниках, в том числе и на могильниках Синташтинского комплекса, однако этого нет.

Возможен также вариант, что могилы синташтинцев были ограблены каким-то другим населением, которое, кроме ограбления, никаких следов своего присутствия не оставила. Но доказать это вряд ли возможно.

Наиболее вероятным представляется предположение, что нарушило погребения население, которому принадлежали парные захоронения лошадей. Так в могиле 12, согласно предложенной нами реконструкции, кости человека и часть инвентаря были сдвинуты в западную половину могилы, вероятно для того, чтобы расчистить место для четырех костяков лошадей. Создается впечатление, что население, которое совершало захоронения коней над синташтинскими погребениями на СМ, интересовало, прежде всего, крупные могильные ямы, в которые они стремились поместить как можно больше пар коней. В могиле 5 в северо-восточную часть буквально была втиснута третья пара, так что пришлось заломить головы коней. В могиле 2 в нижнем ярусе совершенно коллективное погребение без «колесничной» атрибутики, а в верхнем ярусе три лошади были положены поперек ямы в ряд и занимали все пространство могилы, а четвертая помещена у них в ногах у продольной стенки (Генинг и др., 1997, рис. 45–1).

Закономерно возникает вопрос: кому принадлежали парные захоронения целых костяков лошадей?

Находки сосудов синташтинского типа рядом с целыми костяками коней в могилах 5 и 19 не может служить убедительным ответом, так как эти сосуды могли попасть в заполнение могилы из нарушенного нижнего погребения. Кроме того, при других парных захоронениях целых костяков лошадей на СМ сосуды не обнаружены.

Однако, учитывая то обстоятельство, что следы ограбления и парные захоронения лошадей достаточно четко вписаны в пространство могильных ям, следует предполагать, что между совершением нижнего погребения, его ограблением/нарушением и захоронением лошадей, вероятно, не было значительного хронологического разрыва.

Не исключено, что материалы СМ отражают результаты столкновения между разными группами синташтинского населения. когда объектом борьбы выступали не только реальные материальные ресурсы (скот, пастбища, металл и т.д). Захоранивая на чужом кладбище своих лошадей, новое население таким способом, возможно, утверждало свои права на завоеванную территорию, превращая «чужих» предков в «своих».

Возможно, это было население отчасти синхронное синташтинскому, где практиковались парные захоронения целых костяков лошадей в пространстве могилы или в отдельных ямах. В этом плане представляют интерес парные захоронения лошадей внутри могильных ям на могильнике Бестамак в

Северном Казахстане, который С.С. Калиева и В.Н. Логвин определяют как синташтинско-петровский. Известно, что в ямах 1, 22А, 26, 35, 45 найдено по два целых костяка лошадей (Калиева, Логвин, 2009, с. 48–49, 57; Зданович, Куприянова, 2010, с. 139). В погребении 5 этого могильника – 3 целых костяка лошадей. В то же время на этом памятнике имеется погребение 20, которое можно сопоставить с материалами СМ. Нижнее погребение с синташтинской керамикой, но без колесничных атрибутов, сильно разрушено. В верхнем ярусе – две пары полных костяков лошадей (Калиева, Логвин, 2012, с. 77–82). Но погребения могильника Бестамак опубликованы выборочно, поэтому говорить что-либо определенное пока преждевременно.

Таким образом, парные захоронения полных костяков лошадей на СМ не следует однозначно связывать с колесничным комплексом из нижних погребений. К тому же, при полных костяках лошадей ни разу не обнаружены псалии.

Можно воспринимать погребения СМ как единый в культурном и хронологическом отношении комплекс, где взаимодействовали нескольких культурных традиций, и считать парные захоронения целых костяков лошадей его особенностью. Но можно объяснить эту «особенность» Синташтинского большого грунтового могильника как результат появления (переселения, вторжения и т.д.) другого населения, возможно, близкого в культурном отношении. Нельзя полностью исключить и некоторого хронологического разрыва между совершением нижнего погребения и захоронением лошадей в верхнем ярусе могильной ямы.

Следует признать, что вопросов, связанных с характером материалов Синташтинского большого грунтового могильника, гораздо больше, чем ответов.

Литература и источники:

Виноградов Н.Б. Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 2003. 362 с.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. 408 с.

Зданович Д.Г. Куприянова Е.В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее наследие Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. Ч. 1. С. 130–161.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Могильник у поселения Бестамак (предварительное сообщение) // Вопросы археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 9. С. 32–58.

Калиева С.С., Логвин В.Н. Погребение 20 могильника Бестамак // Материалы III Международной научной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012» (14–15 ноября 2012 г.). Актобе: Типография ИП Жанадилова С.Т., 2012. С. 77–82.